

Юрий Казарин

КАМЕНСКИЕ ЭЛЕГИИ

изборник

РУССКИЙ

ГУЛЛИВЕР

Юрий Казарин

Каменские элегии. Изборник

НП «Центр современной литературы»

Казарин Ю.

Каменские элегии. Изборник / Ю. Казарин — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-091-4

Юрий Викторович Казарин род. в 1955 в г. Екатеринбурге. Работал на Уралмашзаводе. Служил на Северном флоте. Окончил филологический факультет Уральского ун-та. Преподавал русский язык в Индии. Доктор филологических наук, профессор УрФУ. Автор ряда монографий, учебников и толково-идеографических словарей (в соавт.), а также нескольких книг стихотворений и прозы. Стихи публиковались в журналах «Урал», «Сибирские огни», «Юность», «Октябрь», «Знамя», «Новый мир» и др., а также в Италии, Германии, Испании, Израиле, США и др. Живет и работает в Екатеринбурге. «Каменские элегии» включают в себя стихотворения (раздел «Из разных книг»: 1976–2003) и элегии (ранее издававшиеся и новые: 2003–2012), написанные в д.Каменка на р.Чусовой, которые, на взгляд «Русского Гулливера», являются одной из вершин русской лирической поэзии последних десятилетий.

ISBN 978-5-91627-091-4

© Казарин Ю.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

1. Из первой книги	7
«Ворохнётся в окне ветка...»	7
«Неба всё больше, мало...»	8
«На читку воздуха едва ли...»	9
«В пепельнице окуроч...»	10
«Отвернувшись к стене...»	11
«Глазам хватает неба и земли...»	12
«Утки летят на восток...»	13
«Дурачок, дурачок...»	14
«Сухая гроза – что в завязке алкаш...»	15
«Птицы – в прошлое, в лето, на юг...»	16
«Деревня дымом в смерть заехала...»	17
«О, Господи, не умирай...»	18
«Чтобы вырезать дудку из ветки в лесу...»	19
«Уже зима вбивает в землю гвозди...»	20
«Взгляд остановлен птицей...»	21
«Сорока на столбе...»	22
«У куницы...»	23
«Деревня пустила...»	24
«Проснёшься ночью – света нет...»	25
«Почти отмучившись, отмучив...»	26
«Земное притяжение с ума...»	27
«Ты легко поднимешь руку...»	28
«Собака плавает в пруду...»	29
«Поговоришь с водой...»	30
«Режет глаза в окошке...»	31
«Как долго лошадь пьёт из лужи...»	32
«Уши, особенно мочки...»	33
«Трава сказала – умираю...»	34
«А смерть осиною...»	35
«В воду врастают ноги...»	36
«Волынки плач овцы. Грамматика двойная...»	37
«Всё больше интонации, тумана...»	38
«Шёпотом дождь поёт. Значит, вот-вот зурна...»	39
«Снег в форме машины едет издалека...»	40
«Ты откуда, сигаретный...»	41
«Поздняя осень. В пейзаже...»	42
«Упираясь лбом в звезду...»	43
«Ты знаешь изначально...»	44
«Ангелы легче снега...»	45
«Пуговицу смахнуло...»	46
«У кукушки всего одно слово...»	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Юрий Казарин Каменские элегии Изборник

«Каменские элегии» – некий абсолютный метафизический «запредел» – страшный и благостный одновременно, когда емкость, плотность, густота поэтического образа оборачивается такой разряженностью интонации, «голосового воздуха», что при чтении (я бы даже сказал – при вдыхании текста) буквально перехватывает горло. Проще говоря, в «Элегиях» мы сталкиваемся с чистым «веществом поэзии», с таинственной и чудесной ее субстанцией – отфильтрованной от всего поверхностного, наносного, тленного.

Константин Комаров (журнал «Урал»)

Стоицизм, с которым этот поэт встает вплотную к тому, от чего поэзией обычно защищаются, восхищает. Поэтический дар здесь – не щит Ахилла, но микро- и телескоп для беспримерного исследования, по ходу которого выдаются теоремы с доказательствами всего сущего и кажущегося, а то и с неожиданными обнаружениями...

Анна Кузнецова (журнал «Арион»)

Мир «Каменских элегий» – мир «ужаса красоты», мир Вальсингама, стоящего у «самой бездны на краю», мир «бездны воздуха».

Татьяна Снигирева (из книги о Ю. Казарине)

Стихотворения Юрия Казарина не современны. Ошелмляющая видимость внутреннего при известной простоте (даже однообразии) его поэтического языка – это и его заслуга, и его одиночество. Точно так «наивная» икона, писанная румынским богомазом на стекле, утверждает в нас большую глубину, чем бесконечные мадонны классического искусства.

Владимир Титов (журнал «Сибирские огни»)

Утверждаю со всей ответственностью: Юрий Казарин есть Большой Поэт. Даже странно: такого уровня работы должны звучать во всем ареале русской поэзии, а знаем их главным образом мы, литературные люди на Среднем Урале. Может быть, такой изворот судьбы не случаен. Может быть, поэзия Казарина испытывается молчанием, отлеживается про запас, чтобы потом оказаться востребованной – потом, когда без таких стихов, устанавливающих связи между коренными категориями человеческого бытия, станет уже невозможно жить и дышать.

Ольга Славникова (писатель)

Поэзия Казарина, в сущности, созерцательная, и казаринская мощная, порой мрачноватая энергия вернее всего воплощается в жадности слуха и зрения, в ярости узнавания, то есть поименования, в неистовстве метафор, ибо метафора – всегда мост в самом неожиданном месте.

Майя Никулина (поэт)

Стихи Казарина отверзают перед тобой такие пустотности бытия, которые невозможно наполнить и в которых, очевидно, живет лишь сам Бог. Постоянный спутник и собеседник поэта. Мир, который открывается стихами Казарина, это мир природы и погоды, языка и речи, человека и красоты, от которой перехватывает горло.

Елена Созина (профессор, Уральский университет)

Читать стихи Юрия Казарина, замечательного русского поэта, живущего в Екатеринбурге, – труд, и возможно, не легчайший чем сочинять их. Зато и результат уникален и ценен.

Отношение вещного мира с языком в этих стихах – кровно родственные, и подобно кровно родственным у человека —

попеременно, а то и одновременно, сладостны и взаимно мучительны.

Аркадий Застырец (поэт)

Читая «Каменские элегии» Юрия Казарина, я вспоминал о том, что оставление родных мест у славян было серьезным грехом, заслуживающим чуть ли не смертной кары, и, хотя в наше расслабленное время обычай кажется чрезмерностью, он по-прежнему имеет смысл. Ты обретаешь право запредельного и властного голоса, если стоишь на земле, в которой лежат кости твоих предков. Иначе – ты проходимец, случайный человек, лишенный ответственности и не заслуживающий внимания. Казарин соблазнам рассеяния не предался, поисками лучшей доли пренебрег, оставшись у «отеческих гробов», справедливо полагая, что отсюда он имеет право говорить «с последней прямокой». Он выбрал свой «азиатский дом с воротами в Европу и огород с простором на Сибирь», деревню Каменку, равную России и всему космосу. Именно отсюда он воссоздает пространство, которое всем знакомо и о котором все тоскуют: несбывшееся детство, несбывшуюся страну, которая уже не время и не место, а – часть человека, часто – неосязаемая и недостижимая часть. У Казарина эта страна большая, такая большая, что не поспоришь. У него «глаза от России болят» – не потому, что смотреть больно, а потому, что смотреть много. Еще больше он говорит о другой стране – Небесной, воспринятой им через глину, снег, опавшие листья, через земные предметы жизни. «Я земля, я из глины весь, я давно похоронен здесь». Поэзия – приуготовление к иному существованию, подготовка души к освобождению – и в этой метафизической работе Казарину нет равных – здесь неважно в насколько «созвучной среде» звучит твое слово, поскольку оно будет неминуемо услышано теми, кто тоже пытается осмыслить свою жизнь, ищет ответы на общие бытийные вопросы. Фигура Юрия Казарина на фоне уходящих в забвение «новаторов» и перестроечных назначенцев от поэзии смотрится все монументальней и четче, а его имя со спокойной уверенностью обретает место в нашей культуре.

Вадим Месяц ("Русский Гулливер")

1. Из первой книги

«Ворохнётся в окне ветка...»

Ворохнётся в окне ветка.
Я бываю с тобой редко
на земле. Чаще в дереве, в небе
я брожу, позабыв о хлебе,
о себе, о погоде, или
пропадаю в речном иле,
сквозь высокую воду пройдя
без дождя.
Потеряю в паденье лицо, руки,
стану частью твоей округи,
на окне твоём отпечатки
пальцев выставлю в Рождество:
тополь в инее, как в перчатке,
если палкой не бить его...

«Неба всё больше, мало...»

Неба всё больше, мало
суши осталось, тверди.
Жизнь наконец совпала
с тем, что коснется смерти.

Снег и земля друг другу —
в лоб, в мозжечок метели:
кажется, что по кругу,
в сердце – на самом деле.

Все-таки скорость взгляда —
это не скорость птицы,
а намерзанье сада
на острие ресницы.

Медленный взгляд оттуда,
где умирают звуки,
где происходит чудо
прямо из этой муки.

«На читку воздуха едва ли...»

Е.

На читку воздуха едва ли
мне хватит этих смертных уст:
откроешь фолиант рояля —
он пыльной музыкою пуст.

Он как раскрытое жилище,
чердак, где плакала метла,
как снегопад и пепелище,
не выгоревшее дотла.

Как дом, не купленный в деревне,
где ночью рвутся провода
с душой, готовой к перемене
не мест, а места навсегда.

«В пепельнице окуроч...»

В пепельнице окуроч,
в небе кусоч луны.
Тысячу слов, придуроч,
вытянешь из стены.

Спи, говорю, покуда
счастья на свете нет:
значит, иное чудо
мучает этот свет.

«Отвернувшись к стене...»

Л. К.

Отвернувшись к стене,
чтобы прямо сказать стране:
ненавижу тебя, но не
умирай, оставайся во мне,
словно небо, растущее вне
понимания неба; в вине
не тони, не куражься в огне
стужи, ужаса и, к стене,
но с другой стороны – в окне —
отвернувшись, прижмись ко мне.

«Глазам хватает неба и земли...»

В. Б.

Глазам хватает неба и земли:
посмотришь вдаль – и плачешь там, в дали.
Прошли по берегу коровы,
оставив в пестрой нагоде
себя гравюрой на воде:
вода из неба гнет подковы
для первых заморозков, где
опавших волн сухая лепка
уже идет секунды три,
и пахнет снег, как божья кепка,
наверно, пахнет изнутри.

«Утки летят на восток...»

Утки летят на восток,
изображая кусок
времени, наискосок
от бесконечного света,
озера, ока, поэта,
выстрелившего из лета
осени в правый висок.

Уток, наверно, с пяток,
а присмотреться – четыре
выгнулись, как локоток

музы, которая в срок
держит последний урок
на леденеющей лире...

«Дурачок, дурачок...»

Дурачок, дурачок,
отпусти домой зрачок
с неба семидонного,
людям похоронного,
или неба сродного,
для любви пригодного,
неба золотого,
как большое слово
с буквой бу-бу,
с молнией во лбу
да с душой-обузой,
с птичкой белопузой —
ласточка пять раз
поцелует глаз,
ясный, бестолковый,
к темноте готовый,
коли белый свет
съели на обед...

«Сухая гроза – что в завязке алкаш...»

Сухая гроза – что в завязке алкаш.
С утра обезвожены поры позора.
Рыданье подробно, как горный пейзаж,
увязший в кириллице, где карандаш,
себя стирая в леса и озера,
иную грозу помещает в шалаш
на вечную вязку то мысли, то взора —
в безумие неба, в морщины узора
и в глухонемое мычание хора,
когда за слезу все на свете отдашь.

«Птицы – в прошлое, в лето, на юг...»

Птицы – в прошлое, в лето, на юг,
а листва, отбиваясь от рук
и ветвей, на единственный круг
отрывается перед ночлегом
между голой землею и снегом.

В легком солнце замешкался дрозд —
взятки глаз ослепительно гладки,
и дыханья шальные лошадки
распускают по воздуху хвост.
По ночам выпадают осадки
в виде звезд...

«Деревня дымом в смерть заехала...»

Деревня дымом в смерть заехала,
где, снежный хлебушек кроша,
мерцает бездна, словно зеркало,
когда в него глядит душа.

Где иней звезд ерошит брови,
в глазах закрытых карта крови
во тьме с небесной совпадет —
никто сегодня не умрет...

Никто сегодня не умрет.

«О, Господи, не умирай...»

О, Господи, не умирай
своих животных и растений
и не вперяй без потрясений
тяжёлый, нежный ад осенний
в мерцающий и мёртвый рай.

«Чтобы вырезать дудку из ветки в лесу...»

Чтобы вырезать дудку из ветки в лесу,
нужен мальчик-заика и ножик,
и река, и чтоб небо щипало в носу,
и пыхтел под рябинами ёжик.

Скоро дождик равнине вернёт высоту,
в одуванчике высохнет ватка.

После ивовой дудочки горько во рту,
после ивовой музыки сладко.

«Уже зима вбивает в землю гвозди...»

Уже зима вбивает в землю гвозди
и сердце из небесной полыни
вздымает, как рябиновые грозди
над пустотой. О, ягоды мои!..

Жемчужный лед растет с ветвей – без створок,
бесстыжий свой показывая стыд.
Мне снится море. И оно шумит
в моей земле, где ночь и минус сорок.

И Млечный путь себя стущает в твóрог,
или в творóг, как Иов говорит.

«Взгляд остановлен птицей...»

Взгляд остановлен птицей.
Господи, стрекоза...
Небо кольнёшь ресницей —
Что это? Чья слеза?

Вечность – простое чудо:
видишь меня, вода?
Скоро и мы оттуда
будем смотреть сюда.

«Сорока на столбе...»

Сорока на столбе.
Ну что ещё тебе
сказать, когда в окошко
смотрю: вот куст, вот кошка.
Как время вдоль воды
то пятится, то длится.
Вот человек, вот птица
и на воде следы.
И, как заведено,
скользит с небес пшено
по лунному осколку
из рук – из первых, но
невидимых, поскольку
кончается окно.

«У куницы...»

У куницы
короткие ресницы,
как у кошки,
а еще блошки,
чтобы почесать
укушенное место, а потом, мать
твою за лапку,
взяв себя в охапку —
спать
и в себе свои сны обнимать:
сломанную охотничью лыжу,
на реке ледяную грыжу —
прорубь, над рекою крышу
прозрачную – видно рыбку,
она держит себя, как скрипку,
упирается в глубину,
исполняя во сне улыбку
и крещенскую тишину.

«Деревня пустила...»

Деревня пустила
белые корни в небо.
Знать, замесила
квашню для стряпни и хлеба.
Принюхивается небо
стужей, звездой железной
к жизни над бездной...

«Проснёшься ночью – света нет...»

Проснёшься ночью – света нет
и не было его,
как будто это новый свет,
иное вещество.
Всё исковеркано ледком —
красивое зато,
как будто кто-то босиком
ходил. Я знаю, кто...

«Почти отмучившись, отмучив...»

Почти отмучившись, отмучив
ночь, косоглазую от слез,
проснусь и вспомню: снился Тютчев,
и – сажа белая берез.

Тряхнет скворец, с бесстрастным глазом,
плечистым пушкинским плащом:
кто долгим прошлым был наказан,
тот будет будущим прощен.

Душа отбрасывает тело,
как дым отбрасывает тень
между луной и светом белым
в его смертельную сирень.

«Земное притяжение с ума...»

Земное притяжение с ума
меня сведет, наверно, после жизни,
когда в слезах закончится зима
в моей теплеющей отчизне.

Ты топишь печь и плачешь. И нигде
не находясь, я вижу, как со стоном
осина разгорается в дожде,
пылая в зеркале оконном.

«Ты легко поднимешь руку...»

Ты легко поднимешь руку
на прощанье, чтоб рассечь
мир на полную разлуку
и на внутреннюю речь.

Беспризорник бьет небольно
в створ небесного окна,
и звенит в мяче футбольном
ангельская тишина.

И опущенную руку
дождевая ищет нить,
чтобы музыку и муку
навсегда соединить.

«Собака плавает в пруду...»

Собака плавает в пруду.
Я что-то спички не найду.

Вот сигареты, пальцы, губы,
вот берег, лес, плотина, срубы,
вот неба с ласточкой торец,
и с черной удочкой отец

стоит над прудом и в пруду
не отражается, покуда
плывет собака ниоткуда.
А спички – вот, и это – чудо
в две тысячи восьмом году.

«Поговоришь с водой...»

Поговоришь с водой,
вернее – помолчишь.
И черно-золотой
качается камыш.

И черно-золотой,
как божьи брови, шмель
под страшной высотой
несет виолончель.

«Режет глаза в окошке...»

Режет глаза в окошке —
это распустится
то ли цветок картошки,
то ли капустаница.

Бабочка оживает,
распространяясь в ряд,
мечется, пришивает
к воздуху влажный взгляд.

Все на живую нитку
сшито – не перешить...

Высмотреть эту пытку.
Выплакать эту нить.

«Как долго лошадь пьёт из лужи...»

Как долго лошадь пьёт из лужи:
сначала ноздри, очи, уши
свои, потом кусок небес
и в кромку врезавшийся лес.

И дождь идёт, у нас бывает —
он лупит вкось по пузырям,
и лужа ноздри раздувает
навстречу розовым ноздрям.

Целуйтесь, два лица природы, —
и жажда жизни и любовь,
пока несут над бездной своды
вода и кровь, вода и кровь.

«Уши, особенно мочки...»

Уши, особенно мочки,
мерзнут сегодня с утра.
Мертвая бабочка в бочке.
Осень, однако. Пора.

Думаешь странные строчки —
Боже, какого рожна:
мертвая бабочка в бочке —
может, живая она...

«Трава сказала – умираю...»

Трава сказала – умираю,
и в ледяном её аду
я босиком иду к сараю —
как по стеклу в стекло иду.

Похолодало – все прошло.
Какое счастье жить без чуда.

Какая русская простуда.
Какое мягкое стекло.

«А смерть осиной...»

А смерть осиной
не отдаёт —
сугроб гусиный
сюда плывёт.

С другого берега
по синеве,
хотя до снега
недели две.

Идёт, гогочет
мужичья сыть —
о Риме хочет
поговорить.

Подашь ли голос
по-над водой —
летит, как волос
совсем седой...

«В воду врастают ноги...»

В воду врастают ноги
женщин, овец, берёз.
Слепнут лесные боги
от деревянных слёз.

От оловянных, снежных,
от алюминиевых.
Сколько их было, нежных?
Сколько осталось их?

Чьи это листья, вещи,
наволочка, ночлег?
Это ложится вещей
с неба упавший снег.

«Волынки плач овцы. Грамматика двойная...»

Волынки плач овцы. Грамматика двойная.
И ангелов нитьё и визготня.
Стоять, стоять, очей из тьмы не вынимая,
ступнями отбиваясь от огня.

Волынки детский плач. Печаль полунемая.
Двухпальная железная кровать.
Лететь, лететь, крыло в чернила окуная,
и – белое – из бездны вырывать.

«Всё больше интонации, тумана...»

Всё больше интонации, тумана,
всё меньше слов, как осенью – вдвоём,
как этот подстаканник без стакана:
уже понятен времени объём.

Где виден лес, там в озере прореха —
вернее, в небе, в пазухе его,
где осень остывает, словно эхо
грядущего молчанья твоего.

«Шёпотом дождь поёт. Значит, вот-вот зурна...»

Шёпотом дождь поёт. Значит, вот-вот зурна
вступит и замолчит. Кукла больна. Она

смотрит не из себя, а из земли сквозь нас
в бездну, и вновь в себя – не закрывая глаз.

Пухом земля – земле. Снегом земля – душе.
Хлеб с золотой ноздрей весь отражён в ноже.

Осень сошла с ума. Осень сошла с ума.
Осень сошла с ума. Значит, уже зима.

«Снег в форме машины едет издалека...»

Снег в форме машины едет издалека,
снег в форме деревьев лесом стоит, пока
снег в форме мужчины ищет в толпе огня
и пролетает мимо в форме тебя, меня,
города и деревни, ветра в моей глуши
белого – в форме снега – шире живой души, —
и переходит в поле, где его из-под век
бездны не проморгает плачущий человек.

«Ты откуда, сигаретный...»

Ты откуда, сигаретный,
коли губы на замок,
мимолётный, неконкретный,
умирающий дымок?
Только ангел в чистом поле
жадно курит разве что
от чужой сердечной боли
в голубой рукав пальто...

«Поздняя осень. В пейзаже...»

Поздняя осень. В пейзаже,
кажется, больше золы,
чем чернозёма и сажи,
если не трогать углы.

Снегом твоим пролетая,
вижу в прореху крыла:
кончилась нить золотая —
белая нитка пошла.

«Упираясь лбом в звезду...»

Упираясь лбом в звезду,
чувствую, как тесно Богу.

В валенках на босу ногу
ночью выйду на дорогу
и уйду...

«Ты знаешь изначально...»

Ты знаешь изначально —
чем глубже, тем больней:
не истина печальна,
а приближенье к ней.

Не бабочек-снежинок
междоусобный дым,
а зренья поединок
с безумием твоим.

«Ангелы легче снега...»

Ангелы легче снега,
это с утра бывает.
Валенок, павший с неба,
в воздухе застревает.
В воздухе над державой —
падает понемногу.
С левой, а может, с правой —
он на любую ногу.
Не на мою, на волчью.
Взвою – и снег раздую,
чтобы увидеть ночью
пяточку золотую.

«Пуговицу смахнуло...»

Пуговицу смахнуло
время с моей рубахи:
что-то её катнуло
с воротника. Как с плахи.

Помнишь ли, переспелая,
пальцы мои и тело
тёплое. Помнишь, белая?
Белая – пожелтела...

Горлу теперь вольготней
воздуха ждать иного
там, где в слюне господней
звук вызревает в слово.

«У кукушки всего одно слово...»

У кукушки всего одно слово,
в котором два одинаковых слога:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.